

Моя работа

3 АПР 1960

МОЛОДЕЖЬ ЭСТОНИИ

г. Таллин

ЛЕНИН ЖИЛ, ЛЕНИН ЖИВ,

ЛЕНИН БУДЕТ ЖИТЬ!

НАД ОБРАЗОМ ИЛЬИЧА

М. ШТРАУХ,
народный артист РСФСР

★

На мою актерскую долю выпала большая честь и творческое счастье — быть первым исполнителем образа В. И. Ленина на московской сцене. Это было в 1937 году, когда театр Революции (ныне театр имени Маяковского) к 20-й годовщине Октября поставил пьесу А. Корнейчука «Правда». Кроме того, вскоре же ко мне обратился кинорежиссер Сергей Юткевич с предложением сниматься у него в фильме «Человек с ружьем» по сценарию Н. Погодина.

Я не могу сказать, что задача, которую мне предстояло решить, заставила меня совсем врасплох. Над образом Ленина я работал и раньше, правда, не как актер. Свою творческую юность в кино я провел вместе с кинорежиссером Сергеем Эйзенштейном, снимавшим своими работами мировую славу и авторитет. В 1927 году, к 10-й годовщине Октябрьской революции, мы засняли юбилейную картину «Октябрь» — огромный фильм, охватывавший события от февраля до взятия Зимнего дворца и до II съезда Советов. У Эйзенштейна была очень сплоченная режиссерская группа, где каждый ведал отдельным участком работы. На долю Г. Александрова, например, выпала организация съемок и забота об освещении, на мне лежала обязанность подбирать исполнителей и работать с ними. Профессиональные актеры к участию в фильме не привлекались. Даже если бы мы захотели это сделать, то при всем желании не смогли бы найти такого огромного количества актеров — в фильме было занято несколько тысяч человек. Помню, что из актеров-профессионалов пригласили только Б. Ливанова, на роль одного из неудачливых министров Временного правительства.

И вот в этом фильме была сделана, по сути дела, первая попытка дать в кино образ Ленина в нескольких эпизодах. Мне удалось найти некоего Никандрова, бывшего уральского рабочего, внешне очень похожего на Ленина. Но одного лишь внешнего сходства было недостаточно. Пришлось немало поработать с Никандровым, прежде чем он смог сниматься в картине.

Без сомнения, эта режиссерская работа не прошла даром. В известной степени она подготовила меня к решению той актерской задачи, которая встала передо мною спустя десять лет.

Мне было особенно трудно создать образ Ленина не только потому, что внешне я нисколько не похож на Владимира Ильича. Я никогда не видел и не слышал Ленина. Надо было чем-то восполнить отсутствие непосредственных впечатлений от общения с живым человеком. Пришлось привлечь на помощь все: литературу, живопись, кино, грамзапись, фотографию.

Я читал Ленина и о Ленине, изучал биографии революционеров-ленинцев. Искал живых свидетелей и мучил их расспросами. Без конца бродил по залам Ленинского музея, впитывая в себя все, что видел. Изучал кинохронику кадр за кадром и до боли досадовал: как мало, непросто, только мало снимали в свое время Ленина! Вслушивался в голос Владимира Ильича и не успокоился до тех пор, пока не стало трудно отличить запись ленинского голоса на грампластинке от записи того же текста, но произнесенного мною. Учил текст роли. Искал и пробаовал грим.

На меня нахлынул огромный поток впечатлений и сведений. Я старался разобраться в них и понять различные стороны многогранного образа Ленина, определить его главные черты.

«Задело» меня прежде всего то, что в воспоминаниях о Владимире Ильиче неизменно встречаешься с фразой: «Ленин стал меня расспрашивать». Это показалось мне значительным и не случайным. Вспомнилась картина художника А. Моравова, запечатлевшая Ленина сидящим в вагоне среди солдат-фронтовиков именно в этот характерный для него момент расспроса.

Ленин чутко прислушивался к думам и чаяниям народа. Он был ученый и философ, который много времени отдавал работе в библиотеках и кабинетах над книгой. Но в то же время он черпал свое конкретное знание жизни из живого общения с трудящимися.

Я напал на такое воспоминание о Ленине, в котором очень хорошо объяснен интерес Владимира Ильича к расспросам. Один крестьянин-сибиряк пишет: «Не меня, конечно, слушал товарищ Ленин, как какую-то персону, а через меня он слушал, что говорят и думают крестьяне во всей массе».

Характерно и умение Ленина слушать. У Клары Цеткин мы находим такую фразу: «... Я не знаю никого, кто умел бы лучше слушать, чем он». Без этих знаменитых ленинских расспросов не обойтись ни одному драматургу, ни одному актеру. В них выражена ленинская вера в массы. Эта черта мне представляется особенно существенной в образе Владимира Ильича.

Ленин встречает солдата Шадрина (в пьесе и сценарии Н. Погодина «Человек с ружьем») в коридоре и охотно заговаривает с ним. И понятно. Двигаясь по коридору Смольного, Ленин видел вокруг себя рабочих, матросов, крестьян — замечательных

темпераментом бойца-революционера. Это темперамент его образа.

Вероятно, можно по-разному трактовать образ Ленина в том смысле, что какая-то черта в нем является преобладающей. Например: Ленин — ученый, Ленин — трибун и т. д. Я считал, что преобладающей чертой образа в тех ситуациях, которые мне пришлось воплощать, должно быть волевое начало: Ленин — вождь. Все действия, все интонации его должны быть глубоко осмысленны, четки и определены. Все должно быть пронизано инициативой.

Мне казалось важным избежать двух крайностей. С одной стороны — суетни, не выражающей динамики и воли человека, с другой стороны — рыхлости.

Ленинская человечность, скромность и простота — это третья черта, которую я хотел передать в образе.

В основе этих качеств Владимира

Ильича лежат в огромном уважении к нему читателю, которому книга вдруг может оказаться нужной!

А, скажем, такой, тоже многим известный случай.

Когда Совет Народных Комиссаров переехал из Петрограда в Москву, Ленин временно должен был поселиться в гостинице «Националь». Ему ответили лучший номер. Владимир Ильич в этот номер въехать отказался и очень рассердился на проявление такого угодничества.

Я не мог не восхищаться многочисленными примерами подобного рода. И мне хотелось, чтобы в моем исполнении зрители почувствовали и увидели эту великую скромность Владимира Ильича.

Не менее важной была задача освоения внешней, пластической стороны. Надо было добиться максимальной сходимости. Важно было создать облик Ленина таким, каким он живет в сознании масс. Это была кропотливая работа. В каждой фотографии удавалось найти какую-нибудь новую ценную черту или деталь: в одной — линию рта, в другой — изгиб бровей, в третьей — улыбку и прищуренный глаз, в четвертой — складки на жилете...

Но, несмотря на множество трудностей и волнений, а может быть, благодаря им, я вспоминаю об этих днях напряженного труда и подъема, как об очень счастливых для себя времени. За судьбу порученного мне дела волновался не только я, но и все мои товарищи по театру. Я чувствовал, что каждый хочет мне помочь, даже те, кто не занят в этой постановке. То и дело я встречал сочувственно-тревожные взгляды: «Голубчик, не подведи!» Помню, даже дежурный пожарник, окончивший свою смену, не ушел из театра в тот день, когда я решил сделать первую проверку грима.

Шли генеральные репетиции, приближался день премьеры.

Маленькая актерская уборная за кулисами театра Революции была до отказа заполнена непривычными посетителями. Много седых голов. Кто это? Историки? Искусствоведы? Нет, это старые коммунисты. Они пришли поделиться своими впечатлениями после просмотра, помочь своими советами. Кто-то вспоминает особую манеру Ленина подстригать усы щетинкой; другой предлагает сделать шире горлышко и плечи — ведь Ленин был крепким, любил ходьбу, велосипед; внимательно осматривают все: грим, костюм, ботинки. Подбадривают: в общем все правильно намечено, надо только играть смелее смелее...

Меня это воодушевляет, но я думаю про себя: «Хорошо вам советовать со стороны, вот попробуйте-ка побороть волнение и овладеть всем этим сразу!» Ведь сначала я только и думал о соблюдении художественного такта, потому что мне казалось,

что каждая неверная черта была бы воспринята в таком образе как нестерпимая фальшь.

И вот, наконец, после многих просмотров первая встреча со зрителем. Я только на этом спектакле впервые понял, что такое тишина в зале! Мне говорили, что никто не сидел, откинувшись в кресле. Все, кто был в зале, как бы подались вперед, стараясь всерьез разглядеть, услышать каждое слово. Такое накаленное внимание трудно себе даже представить. Оно горячей волной передавалось нам на сцену. Незабываема была приподнятая атмосфера первых спектаклей!

Вспоминаю один из самых ответственных для меня спектаклей. Я узнал, что в зрительном зале находится Н. К. Крупская. Она представлялась мне самым строгим судьей моей работы. Сотрудники театра, свободные от спектакля, устремились в зрительный зал и смотрели не столько сцену, сколько в ложу, где сидела Надежда Константиновна. Спектакль кончился. Крупская долго сидела в задумчивости, склонившись над багетом ложи. А потом сказала, что ей не хочется ехать домой. Это было для меня самой высокой наградой. Надежда Константиновна сидела с нами до глубокой ночи. Спутница торопила ее домой, желая уберечь от излишней усталости и волнений. Но это не так-то легко было сделать. Говорили о многом. Надежда Константиновна призналась, что до сих пор сомневалась в возможности и целесообразности воплощения образа Ленина на сцене. Но сегодня, воочию видя, какой горячий отклик находит спектакль в зрительном зале, она начинает убеждаться в обратном. Это был незабываемый спектакль и незабываемая встреча.

Приподнятая атмосфера царил на всех спектаклях.

Вспоминаю случаи во время гастрольных поездок. Однажды в Белоруссии колхозники закупили несколько спектаклей и целыми селами ехали за сотни километров поездом, лошадами, машинами в город, чтобы посмотреть на «живого Ленина».

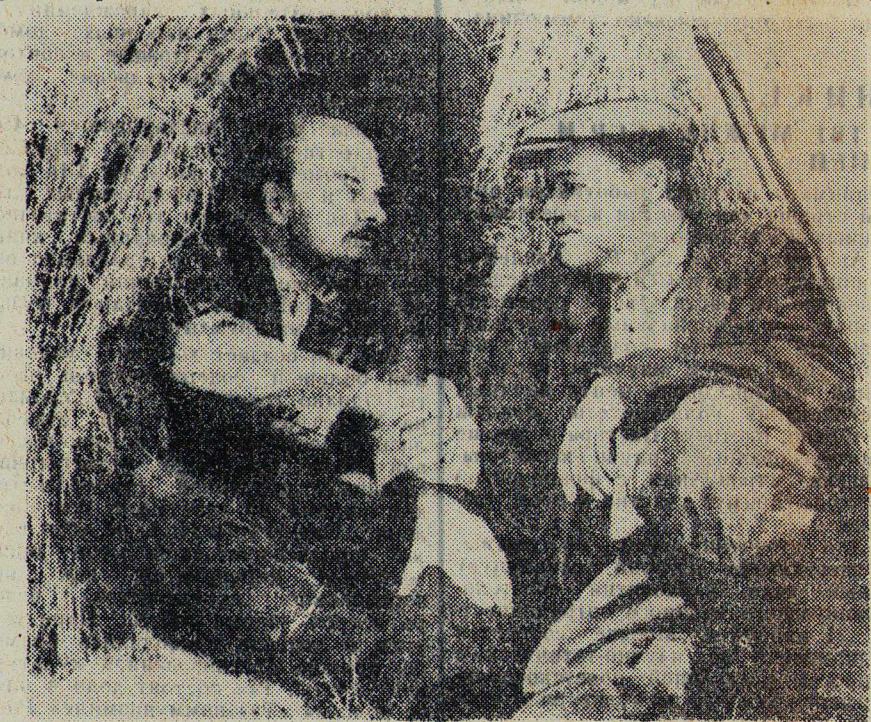
В Донбассе был такой случай, когда зрители после спектакля двинулись всем залом через рамку на сцену и за кулисы, чтобы повидать Ленина вблизи. Они окружили нас, исполнителей, и долго не хотели расстаться...

С тех пор прошло два десятка лет. После этого я два года назад снимался в роли Ленина в фильме «Рассказы о Ленине» (постановка С. Юткевича). Тема Ленина в искусстве настолько велика и содержательна, что она уже не может давать покоя художнику, коль скоро он к ней однажды прикоснулся. Она все время будет тревожить, будет пронизывать всю его творческую жизнь.

Проблема воплощения образа Ленина в искусстве — это дело не одного актера, это дело поколений. Сейчас можно говорить только о первых шагах, которые послужат основанием для дальнейшей работы над этим образом, дорогим всем народам мира.

Я верю, что будущие поколения художников подхватят наш опыт и ведут его до совершенства, и образ Ленина будет дан так, как советовал Маркс изображать политических вождей в искусстве — суровыми рембрандтовскими красками во всей жизненной яркости.

(Статья написана по просьбе нашей газеты).

На снимке: кадр из кинофильма «Рассказы о Ленине». В роли В. И. Ленина — артист М. Штраух, в роли Н. А. Емельянова — артист В. Санаев.

людей, которые были для него драгоценным источником познания. Вера в массы и живая связь с массами — это первая черта, первая особенность образа, которую, мне казалось, необходимо было понять и ощутить актеру.

Вторую особенность образа Ленина мне удалось почувствовать, приглядываясь к целому ряду разнообразных штрихов и деталей. Творческий процесс протекает часто сложным путем. Иной раз какая-нибудь, на первый взгляд незначительная, подробность дает больше, чем целая куча книг.

Меня поразили записки Ленина, набросанные им в острые, напряженные политические моменты. Например, текст письма членам ЦК 6 ноября 1917 года о начале восстания. Какая динамика в построении фраз, в их ритме, в расстановке знаков препинания! Во всем чувствуется колоссальная динамическая устремленность.

Вот известная фотография: политэмигранты на улице Стойгольма в 1917 году. Тут большая группа. Но одна фигура выделяется своей стремительностью, своим шагом, поворотом головы. Это, конечно, Ленин.

Передо мной кадры из кинохроники. Ленин в Кремлевском кабинете сидит за столом, на колени покоится его рука, сжатая в кулак. Огромная воля видна в этом жесте.

Памятно описание, как Ленин руководил заседаниями Совнаркома, когда он умел двоить и троить свое внимание: он слушал внимательно докладчика и одновременно мог писать важную записку, делая одно отнюдь не за счет другого.

Однажды я разложил фотографии Ленина рядом и стал присматриваться к ним. Владимир Ильич смотрит на каждой из них по-разному. Это бывает тогда, когда человек обладает подвижным лицом, живой мимикой.

Все эти штрихи и детали подсказывали мне другую черту ленинского характера: неукротимую энергию, стремительность. Я представлял себе Ленина всегда страстным, целеустремленным и сформулировал эту особенность образа так: Ленин был человеком, обладающим общественным